

Сергей ЛИТОВКИН
повести и рассказы о флотской
службе и прочих происшествиях

ХУЖЕ ВСЕХ

Морские истории и байки

Сергей Литовкин
Хуже всех (сборник)

«Горизонт»

2015

Литовкин С. Г.

Хуже всех (сборник) / С. Г. Литовкин — «Горизонт»,
2015 — (Морские истории и байки)

Далеко не всем известно, чем занимались в прошлом веке мужчины на службе в ВМФ и при прочих военных объектах. Это иронические повести и рассказы о жизни, военно-морской службе и сухопутном существовании в служебной обстановке и вне ее. Непосредственные заметки прямого соучастника без досужих вымыслов и сторонних наблюдений. Умеренная флотская травля оттеняет рельефный юмор жизненных ситуаций. Лица, события и обстоятельства изменены, но факты, несомненно, имели место быть. Автор – капитан первого ранга Сергей Литовкин – исполнительный секретарь Содружества военных писателей «Покровский и братья», выпустившего в свет великолепную серию из 12 сборников военных авторов под названием «В море, на суше и выше».

© Литовкин С. Г., 2015

© Горизонт, 2015

Содержание

Хуже всех...	6
Валютчик	9
Членский билет	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Георгиевич Литовкин

Хуже всех

Это иронические повести и рассказы о жизни, военно-морской службе и сухопутном существовании в служебной обстановке и вне ее.

Непосредственные заметки прямого соучастника без досужих вымыслов и сторонних наблюдений. Умеренная флотская травля несколько оттеняет реальный и рельефный юмор жизненных ситуаций.

Лица, события и обстоятельства изменены, но факты, несомненно, имели место быть.

«Если же есть такие, кому рассказы отставного моряка не нравятся, то я могу им лишь посочувствовать. Хотя о вкусах и не спорят, есть в этом мире и бесспорные вещи, одной из которых есть факт: искренность, остроумие, самоирония и умение связно и грамотно писать при отсутствии пижонства и высокомерия неизбежно ведут к успеху у нормального читателя...»

Владимир Усольцев, писатель, автор нашумевшей книги «Сослуживе» о В. Путине

«Все есть. И противоречия, и противочувствия (в избытке), и нецитируемый катарсис от столкновения противочувствий. оистину художественное произведение. Молодец, Литовкин...»

Соломон Воложин, литературный критик

*Посвящается моим товарищам – выпускникам
1973 года факультета ОСНАЗ Высшего военно-морского
училища радиоэлектроники имени Александра Степановича Попова*

Хуже всех...

Командир сильно раздосадован. Об этом свидетельствует покрасневшее лицо, с которым он предстал перед курсантским строем. Сколько лет уж миновало, но совершенно явственно ощущаю свою принадлежность к сообществу из сотни молодых балбесов, вытянувшегося двумя шеренгами в длинном коридоре второго этажа учебного корпуса училища.

– Хуже всех! – начал он свою речь, передвигаясь от человека к человеку, строго оценивая взглядом каждого, – хуже всех в роте!

Поскольку звание «хуже всех в роте» было переходящим и за многими водились грешки различной степени тяжести, можно было ожидать, что выбор падет на любого.

– Хуже всех, ...хуже всех в роте, – нараспев повторил капитан-лейтенант, демонстрируя в голосе уже не возмущение, а глубокую скорбь и обиду на одного из своих подопечных.

– Опять нам принес оплеуху курсант Ионов. Опять нам всем краснеть за него... – ротный горько вздохнул и разрядился фразой, ставшей впоследствии классикой курсантского фольклорного сленга: «Тебе, Вова, не водку пить, а г...о через тряпочку сосать».

Потом, разумеется, «Равняйся!», «Смирно!», «Курсант Ионов выйти из строя!»....

Не припомню, сколько нарядов он тогда огреб, но морально был казнен без права на помилование.

Указанной экзекуции предшествовали некоторые события в Нижнем парке Петродворца, но об этом чуть позже.

Сначала об Ионове.

Роста он был среднего, худощавый, темноволосый с очень выразительными глазами, казалось отражающими чувства человека, оставленного на необитаемом острове.

Вова охотно воспринимал в курсантской компании все напитки и не отказывался поддерживать своим участием любое мероприятие, от простого распития четвертинки в тамбуре электрички, до посещения ресторана за червоне на троих. Основная проблема состояла в дозе. Вова сильно изменялся в процессе выпивки. Сначала он, обычно немногословный, начинал участвовать в разговоре, делая неожиданные и остроумные замечания. На этой фазе с ним было приятно и весело общаться. Потом в его взгляде появлялась некоторая скука, он зевал и неожиданно ложился. Он спал, но сон был слишком глубоким и каким-то аномальным. Пульс слабо прощупывался. Одним словом, – вырубался. Пробуждение наступало только после холодного душа и освобождения желудка.

В результате нескольких смелых экспериментов было установлено, что критическая масса водки для Иопова составляет около 230 грамм. Принятое решение гласило: «Вове стакан без пояска!». Вова не возражал, но никак сам не контролировал дозу, отягощая товарищей этими обязанностями. Он даже себе не наливал и мог сидеть в компании трезвым до тех пор, пока о нем не вспомнят. Так что, если с ним приключалась неприятность, то возникал вопрос: «Какая сволочь Вову напоила?». Одно время его даже опасались брать в компанию, но после того, как Вова на летней стажировке обеспечил дополнительным питанием почти половину взвода, это казалось аморальным.

Дело в том, что одновременно с нами практику в приморском городке проходили выпускники поварского училища. Мы набирались бесценного опыта на береговом радиокомплексе, а девушки работали в кафешке и нескольких ларьках на набережной. Вечно голодные и безденежные курсанты, разумеется, начали проявлять внимание к феям с пирожками, но удача светила только к Вове. Именно тому, у кого и аппетит – так себе. То ли изможденным видом, то ли потеряннм взглядом привлек он внимание пышнотелой начинающей поварахи, но бесплатная кормежка ему и его друзьям была обеспечена на целых три недели. Очередь сопровождать Вову в увольнения расписывалась заранее. Разумеется, кое что из изделий студенток

кулинарного техникума было недо- или пере-, но суровая рука голода на то время ослабила свою хватку.

* * *

В тот знаменательный день мне, Андрюхе и Юрке досталось патрулировать в Нижнем парке. И только мы спрятали повязки со штыками, присев отдохнуть в сорокадверке¹, как появились ребята в защитного цвета форме с повязками – кировцы, соседи по Петергофу.

Это был патруль из конкурентно-дружественного общевоискового училища.

– Мужики, – сказал сержант-третьекурсник, – заберите вашего моряка от фонтана. Его на парапет положили, но может свалиться.

Мы пошли в указанном направлении и в фонтане «Солнце» увидели ИONOва. Это была иллюстрация к поговорке: «моряк воды не боится».

Он плавал и спал. Голова была на берегу, а остальное тело по закону Архимеда вытесняло воду из бассейна под веселыми фонтанными струями.

Мы достали Вову и положили на скамейку, частично отжав брюки и галанку. Дело принимало опасный оборот. Во-первых, Вова мог простудиться и прихватить пневмонию. Было прохладно. Во-вторых, наш взвод уже перевыполнил план по пьянкам раза в два. Ротного вчера таскали в политотдел и распекали с пристрастием. Он потом, как говорят, сидел в старшинской, хватался за сердце и все повторял: «Вот ведь, бёнать...». Мы его могли потерять. А этого не хотелось, так как из известных нам командиров в училище, – наш казался наименее вредным.

Вова, при скромном росте и худобе, был довольно тяжелым. Меняясь по очереди, мы с двух сторон прихватили его под руки и потащили в направлении училища. Он частично пробудился и вяло переставлял нижние конечности, что несколько облегчало задачу. Несколько раз Вова пытался поджать под себя ноги, но, получая заслуженный пинок, снова имитировал походку. Иногда он по-заячьи верещал. Обсуждая по пути насущный вопрос: «Какая сволочь Вову напоила?», вспомнили, что он сегодня увольнялся на час раньше с группой «театралов».

Чтобы выйти в город вперед всех, надо было иметь билет в театр или на концерт. Поэтому на таком построении в 17 часов требовалось предъявить не только короткую стрижку, внешний вид и однотонные носки уставного цвета, но и такой билет на нужную дату. Опытные «театралы» имели штампики и использовали каждый билетик до шести раз, последовательно нанося и выводя оттиски даты хлоркой. Строй любителей культурного времяпрепровождения распространял специфический запах. Самых наглых поклонников сцены с проеденными насквозь вонючими и пожелтевшими бумажками командир молча выгонял из строя. Остальные получали напутствие типа: «Ну, смотрите там. Чтоб без всяких деконорэ-дебальзаков». Что имел наш каплей против французского классика оставалось тайной, но была понятна его непримиримость ко всяческим безобразиям.

Обменявшись мнениями, мы вспомнили, что у Вовы билет был настоящий и, вроде как, он собирался на концерт Жана Татляна с какой-то девицей. То, что не наши его напоили принесло некоторое облегчение. Собственно, как было дело, мы так и не узнали. Ионов молчал впоследствии, ссылаясь на провал в памяти, и соучастницу так и не выдал.

В таком составе и состоянии через КПП нам было не пройти. Мы доволокли Вову до БПК (банно-прачечный комбинат училища) и успешно перекинули его через забор. Потом нам пришлось темными тропинками доставить тело до роты и, минуя все посты, дотащить до койки, раздеть и уложить. Закончив эту операцию, вернулись в Нижний парк и уже оттуда – назад в училище через главный парадный подъезд с докладом об успешном завершении патрулирования.

¹ Сорокадверка – летнее кафе в парках Петродворца, отличающееся обилием дверей со всех сторон.

И, все бы прошло без последствий, не случись посетить дежурному по училищу нашу роту в тот момент, когда Вова, не приходя в себя, вышел к нему навстречу из кубрика. Не лежало ему под одеялом. Выглядел он, разумеется, после фонтана и доставки с полетом и волочением – не очень. Кроме того, мы сняли с него мокрую одежду. А мокрое было все. Поэтому голый, бледно-синеватый юноша с закрытыми глазами, двигавшийся навстречу капризу по синусоидной траектории, здорово его удивил. Вызванная дежурная медсестра диагностировала алкогольную интоксикацию и что-то по латыни, после чего Вову отнесли в лазарет. Утром он уже был в роте. Похоже, что ему прочистили не только желудок, но и мозги. Говорил задумчиво и не помнил прошлого. Мы решили ничего ему не рассказывать, но Андрюха не удержался и многозначительно предупредил Вову, что бабы его до добра не доведут. Так, впрочем, потом и оказалось...

После получения звания «хуже всех в роте» Вова больше существенных залетов не имел, получил лейтенантские погоны и отправился отдавать службе остатки молодости и лучшие годы жизни.

* * *

Через несколько десятков лет нашей роте удалось собраться в Петродворце на какую-то круглую дату выпуска из училища. Почти все уже были в запасе, но больше половины сокурсников приехало на сбор.

Был там и Вова. Он оказался, как и раньше, немногословен и особого интереса ни к кому не проявлял. В то время, пока другие обнимались, хлопали друг друга по плечам и спинам, Ионов стоял в сторонке и копался в карманах. На банкете я сидел напротив него и видел, что он выпил только рюмку. Потом вдруг огляделся вокруг, бросил взгляд на меня и, словно узнавая, сказал:

«Я тут под Питером одной тренировочной базой руковожу. Если захочешь пострелять или с парашютом.....»

«Или понырять...» – мысленно про себя продолжил я.

Обменялись с ним визитками. Я позвоню, пообещал Вова.

Помнит, однако.

Пока не звонил.

Валютчик

Случилось мне в начале семидесятых годов уже ушедшего двадцатого века окончить военное училище и в звании лейтенанта прибыть на Черноморский флот. С распределением на конкретную должность вышла заминка. Все мои сокурсники уже зарабатывали «фитили» на кораблях, а я все еще затапывал ворс ковровых дорожек штабных коридоров, общаясь с флотскими кадровиками. Особенно я не переживал, полагая, что подобрать достойную службу для реализации моих исключительных способностей – задача непростая. Значительно позже пришло понимание, что при плановой системе заявок на выпускников запрашиваемое количество всегда превышает необходимое. Заявку в тот год неожиданно удовлетворили в полном объеме, что и сказалось на моей судьбе самым парадоксальным образом.

Каждый будний день в течение полутора месяцев я просиживал в кабинете одного доброжелательного кадровика – капитана третьего ранга, списанного из плавсостава ввиду непереносимости качки. То есть по болезни. Морской. Он называл себя моим шефом, гонял с мелкими поручениями по флотским частям и оставлял дежурить на своем телефоне, отлучаясь по служебным или иным надобностям. Обычно после обеда шеф отпускал меня домой в арендованную в частном секторе халупу с «дворянскими» удобствами, но божественным видом на море. Я чувствовал себя полноценным курортником южного берега Крыма.

Как-то утром шеф встретил меня вопросом:

– Ты какой язык, кроме русского, знаешь?

– Английский, – ответил я, забыв добавить стандартный анкетный шаблон «читаю и перевожу со словарем», что не оставляет иллюзий у понимающего человека. Такая забывчивость вскоре вышла мне боком.

К вечеру я уже оказался прикомандирован в качестве переводчика на военное гидрографическое судно, уходящее через сутки в Средиземное море.

– Не психуй, – сказал шеф, когда я узнал, что приказ подписан и назад хода нет. – Там и без тебя почти все переводчики. Тобой мы просто закрываем амбразуру. Нельзя корабль в море отправлять с пустотами в штатном расписании. А пока будешь «морячиться», я тебе толковое место подберу. Говори, чего хочешь? Мои крестники все в люди вышли. Я снял с полки потертый справочник по кораблям всех флотов и народов «Джейнс» и нашел свое судно. Информация была убийственной. Супостатский справочник утверждал, что это переоборудованный китобой.

По водоизмещению он незначительно превышал «Санту Марию» Колумба, а по скорости хода не оставлял надежды на реализацию проекта Жюль Верна «Вокруг света за 80 дней». Он был моложе меня, но ненамного.

– Кранты, – произнес я вслух и повторил раза три без всякого выражения, хотя несколько крепких выражений построились в очередь, чтобы сорваться с языка при первой возможности. О такой ли службе я мечтал?!

* * *

– Ерунда, – заявил командир гидрографа, капитан-лейтенант небольшого роста, но с высокой степенью уверенности в себе, когда я представился и честно поведал историю своего прикомандирования.

– У нас половина специалистов в бригаде может только автономный паек на дерьмо переводить, и переводят. Не рассказывай больше никому эти глупости. Постарайся быть полезным,

а если не справишься, отдам тебя замполиту для проведения политзанятий с матросами. Он давно просит еще одну жертву.

Я поблагодарил за доверие, щелкнул каблуками и направился в отведенную мне каюту, которая оказалась маленькой, как стенной шкаф, но зато одноместной.

Я побросал в угол вещички и задумчиво уселся на койку. По громкой связи прохрипело: «Корабль к бою и походу приготовить!»

Застучали башмаки, завибрировали агрегаты, койка начала подпрыгивать в такт вращению какого-то скрипучего вала. Лежа на койке, я почувствовал себя частью дребезжащего организма и решил стать полезным.

* * *

Шел третий месяц похода. За это время я успел не только окончательно уяснить собственное невежество, но и кое в чем поверхностно разобраться, по-неопытности считая, правда, свое понимание достаточно глубоким. Удалось подружиться с несколькими офицерами-ровесниками и не посориться с остальными, что давалось нелегко, учитывая замкнутость пространства и сообщества. Отсутствие в подчинении личного состава позволяло иногда ощущать себя пассажиром круизного теплохода, однако эту иллюзию регулярно разрушали бурные потоки ненормативной лексики, которую, надо сказать, отличала известная гармоничность.

Словом, все шло нормально. И этот день тоже не предвещал ничего дурного. Побаливавшая с утра голова напоминала о вчерашнем дне рождения доктора Олега, потчевавшего земляков-ленинградцев резервным спиртом (в просторечии – «шилом»). В круг «своих» вошли связист Саша, штурман и я. Все – лейтенанты. К концу посиделок в амбулаторию, по условному стуку, проник особист – старлей Виктор. Пить он не стал, доел праздничную закуску и посоветовал не болтать лишнего. Никто не понял, что он имел в виду, но беседа скисла, и все разошлись по каютам.

Слева по курсу в двух милях виднелся американский авианосец, за которым мы ползли уже несколько часов. Размеры плавучего аэродрома поражали, особенно в сравнении с нашим убогим челном. Мы выглядели, как граненый стакан рядом с бочкой квашеной капусты.

– Боцманской команде приготовиться, – проорал в КГС старпом с мостика.

– Будет грандиозная операция, – услышал я за спиной и обернулся. Виктор показывал на огромный сачок, который не без труда волокли мичман и три матроса. Я вспомнил слова шефа о том, что частое появление особиста – одна из самых плохих примет, но тут же забыл. Напрасно, как оказалось.

Мы замедлили ход, и, как только авианосец скрылся из виду, боцман начал вылавливать сачком из-за борта здоровенные пластиковые мешки. Казалось, что авианосец оставил за собой след из нескольких десятков поплавков. Мусор, – догадался я, – на америкосе закончили приборку и повывбрасывали в море мусор в полимерной упаковке, казавшейся диковинкой в те далекие годы.

– Жду – не дождусь, когда нам с сачком выдадут премиальные за разоблачение козней противника, – устало, но гордо прогудел мичман, когда штук шесть мешков было брошено на шкафут. Этим операция и завершилась. Мешки начали тонуть, а шестиметровое древко уникального инструмента перестало повиноваться опытному боцманским рукам.

Замполит, особист и еще несколько офицеров, в том числе и я в качестве официального переводчика, были допущены к вскрытию добычи.

«Кто-то из классиков очень верно сказал, что разведка – грязное дело», – думал я, натягивая на руки толстые резиновые перчатки. Надпись на перчатках об их испытании на 6000 вольт создавала некую иллюзию безопасности. Отходы жизнедеятельности ярко демонстрировали благополучие американских ВМС. На авианосце вкусно ели, пили и выпивали, ухаживали

за телом, брились, листали красочные журналы, слушали музыку и играли в карты. Радиоактивность мусора соответствовала норме. Качество наших отходов проигрывало почти по всем пунктам, кроме последнего. Замполит собрал в стопку полиграфическую продукцию, судя по обложкам, крайне аморального свойства, и удалился восвояси. Мне досталось с десятков суточных планов, представляющих собой нечто вроде корабельных газет, несколько деловых писем и стопка стандартных листочков с туманным содержанием. Почти на всех документах значился запрет выносить их за пределы корабля или стояли грозные грифы секретности. Все это я разложил на столике в каюте и приготовился к ответственной аналитико-переводческой работе. В каюту без стука ввалился связист Саня и грохнулся на мою койку.

– Голова болит. Не иначе, доктор нас хреновым спиртом напоил, – простонал он.

Я кивнул. Голове действительно было некомфортно.

– Помнишь, он хвастался, что четыре аппендикса у матросов вырезал? Еще большущую банку показывал, где эти отростки плавали, – продолжал Саша.

Я кивнул и насторожился.

– Так я думаю, что он нас из этой банки и угощал. Ведь неделю назад, когда мы солидарность с Африкой отмечали, божился, что «шило» у него давно кончилось. Женой, детьми и Гиппократом клялся.

К горлу подступила тошнота. Я выронил из рук сложенный пополам лист суточного плана, он развернулся – и на палубу спланировала небольшая, похожая на лотерейку, бумажка. Саня поднял бумажку и осмотрел со всех сторон, с заметным затруднением концентрируя внимание на изучаемом объекте.

– Пять долларов! Вот ведь проклятые буржуины, деньгами швыряются, а мы настойку на человеческих органах пьем.

Никогда не слышал в его голосе столько искренней обиды и классовой ненависти. Я отобрал у него зеленый символ чистогана и прищипил на переборку между календарем и семейной фотографией.

– Все! – сказал я, – хватит болтать. Пошли к Олегу. Он – доктор, а мы теперь – пациенты.

* * *

Когда Олег понял суть предъявленных обвинений, он пару минут беззвучно открывал рот и интенсивно вращал указательным пальцем сначала у своего, а потом и у Сашиного виска, после чего заорал:

– Вы идиоты! Это мой НЗ, а аппендиксы у меня в формалине купаются. Пить надо меньше и закусывать лучше! Кроме желтого аспирина ничего у меня теперь не получите.

Мы искренне покаялись и признали свою умышленную ущербность. Доктор остыл и даже повеселел. Глубокомысленно заявив, что подобное излечивают подобным, он нацедил каждому по тридцать граммов, тщательно скрывая свой НЗ от посторонних глаз. В качестве закуски он высыпал из огромной банки на столик две горсти шариков канареечного цвета. «Гексавит» – прочитал я на баночной наклейке и, боясь гнева доктора, проглотил с отвращением несколько витаминок вслед за лечебной дозой спирта ужасающей противности.

* * *

Из выловленных бумажек, кроме прочего, стало известно, что по случаю какого-то американского праздника на палубе проводились развлекательные гонки на электрокарах, а матрос Давыдофф оштрафован на двести долларов за нетрезвое состояние организма в служебное время. Кажется, я правильно перевел формулировку. Меня охватило чувство славянской солидарности, чему способствовало состояние организма.

Некоторые суточные планы были в нескольких экземплярах, и я решил, что без ущерба для дела могу оставить пару штук себе на память. Что я и сделал, засунув дубликаты под стопку словарей в рундук. Пока я работал, ко мне периодически заглядывали офицеры и мичманы с просьбой показать выловленную купюру. Благодаря длинному языку связиста, весть о чудесном явлении быстро распространилась: конвертируемая валюта в Союзе находилась под запретом, и каждому было интересно пощупать диковинку. Последним прибыл оперуполномоченный особого отдела.

– Замполит меня обскакал. Он доложил на эскадру, что ты проповедуешь чуждый образ жизни. Как это тебе удается?

Я показал Виктору пятерку и описал историю ее появления, а также живой интерес экипажа к находке.

– Да, разум ограничен, но дурь – беспредельна. Может быть, ты ему где-то на мозоль наступил?

Я подумал и вспомнил, что пару дней назад дублировал на мостике вахтенного. Время было далеко за полночь. Командир мирно дремал в своем эргономичном персональном кресле, когда на мостик поднялся замполит, чтобы показать ему перед отправкой очередное политдонесение. Командир сонно глянул на текст и пробурчал:

– Ну, что там? Опять матрос Пупкин превзошел нормативы по борьбе с противогазом? Смотри-ка, четыре листа накатал! Докладывал бы ты, комиссар, покороче – ПОЛИМОРСОС, мол, НА ВЫСИДУРЕ.

– Что, что? – удивился замполит.

– Сокращение, означающее: политико-моральное состояние на высоком идейном уровне.

Замполит окинул взглядом затемненный мостик. Похоронное выражение лица рулевого матроса у штурвала его удовлетворило, но легкая ухмылка на моей физиономии заставила нахмуриться и поджать губы.

– Шутите. А идеологическое противоборство не знает компромиссов!

Командир, а вслед за ним и я изобразили глубокую скорбь, но было уже поздно. Замполит покинул мостик в изрядной обиде.

– Эх! Зря я тогда ослабил, такое не прощается, – закончил я рассказ.

– Да, – подтвердил Витя, – вполне возможно.

– Виктор! Забери у меня эти доллары в качестве вещественного доказательства империалистической диверсии. Они, небось, нас ждали с мусором и специально их подкинули. И порнухи для замполита накидали чертову уйму.

– Э, нет, милый. Особиста за пятерку не купишь. Попробуй всучить замполиту, но, думаю, не возьмет. Он уже раззвонил на весь мир и на твоём примере воспитательную программу построит. А те, кто валюту лапал, будут руки прилюдно скипидаром оттирать и двойной комплект первоисточников марксизма-ленинизма конспектировать.

– Что же делать? – от нарисованной особистом картины политучебы мне стало худо.

– Смирись и кайся. Дурак, мол, не понял, принял за салфетку. Только не умничай, чем глупей будет оправдание, тем лучше. Попробую я с ним поговорить, но в успех не верю. И про порнуху молчи. Замполит ее, небось, с закрытыми глазами уже сургучом опечатал для сдачи в политотдел.

Виктор собрался было уходить, но вдруг спросил:

– Кстати, у тебя не осталось тех маленьких помидорчиков в томатном соке, которые ты вчера к доктору на день рожденья приносил?

Особист убыл, унося память о семье и Родине – двухлитровую банку эксклюзивной домашней закуски, а я остался комкать в руках чуждую мне по духу и сути находку.

К вечеру у нас с Сашей здорово разболелись животы. Не иначе, как витамины у доктора были сильно просроченные. Мы к нему лечиться не пошли, потому что при таких симптомах он всегда ставит диагноз – аппендицит...

* * *

Партсобрание прошло под знаком борьбы с долларовой заразой и со мной, как с разносчиком этой заразы. Сразу после оглашения повестки командира пригласили на мостик, и он уже не вернулся на поле идейной брани. Возможно, это приглашение он спланировал заранее. Вступившемуся было за меня Саше досталось самому, как соучастнику. Еще ему замполит припомнил прошлогоднюю стычку с патрулем где-то на танцах в ДОФе. Больше никто не пикнул. Решение было гуманным: поставить на вид. Мне, естественно, а не доллару.

– Хорошо, что ты прикомандированный, – сказал Олег после собрания.

– Своего истоптали бы всмятку.

– Где у вас это? – обратился ко мне замполит.

– Заберете? – обрадовался я.

– Ну, уж нет, храните. В базе посоветуемся с руководством и примем решение, – поднял он указательный палец, – это ж ВАЛЮТА!

В его произношении каждая буква в этом слове была заглавной и вызывала отвращение. С того дня ко мне надолго приклеилась кличка – валютчик.

* * *

Возвращение в базу было неожиданным. Мы уже недели две ждали заправку топливом и продовольствием с какого-то танкера, но встретиться с ним никак не удавалось. Питание становилось все более однообразным: выгребли все баталерные припасы и заначки. Большой ларь с картошкой и овощами, установленный на баке, сорвало с креплений и смыло волной еще месяц назад во время шторма где-то около Мальты. Очевидцы успели заметить, как он воспарил над палубой и пронесся в пяти дюймах от надстройки со скоростью встречного экспресса Октябрьской железной дороги. Поэтому из круп у нас оставалось лишь немного риса, а из мясных продуктов консервированные деликатесные говяжьи языки в желе. (Надо сказать, что с тех времен я никогда не допускаю представлений о языке в кулинарном смысле, а к рису отношусь с определенным предубеждением.)

Говорят, что истощение моторесурса нашего корабля было для всех неожиданностью. Причем продлить его без капремонта никто не решился. Регламенты, однако. Срочно в базу – решило руководство. Заправлять нас, естественно, не стали, а посему еще дней пять-шесть всем нам предстояло оставаться «язычниками», хотя баталер-кормиле эти консервы наверняка берег для выгоднейшего слепоходного бартера.

* * *

В базу нас сразу не пустили и оставили ночевать на внешнем рейде, предупредив, что с утра на корабль прибудет комбриг со свитой для проведения заслушивания по результатам похода. Всю ночь вылизывали паропровод, драили медяшки, писали доклады и справки. Шел инструктаж личного состава о том, как правильно отвечать на провокационные и дурацкие вопросы. Готовился праздничный завтрак из известных деликатесных продуктов «язык проглотишь».

Утром, после бессонной ночи корабль, ведомый командиром, блестяще швартанулся на свое штатное место. Подтащили сходни, и на борт, отдавая честь флагу, словно отмахиваясь от назойливых насекомых, проследовали один за другим крупнозвездные офицеры числом не менее двадцати.

Заслушивание в кают-компании проходило спокойно. Результаты похода были приличными: задачи выполнены, люди живы, техника условно-исправна. Диссонансом прозвучала лишь баллада замполита о его поединке с долларом, который пытался искушать личный состав. Моя роль троянского коня – носителя коварной зелени выглядела роковой. Это выступление внесло некоторую живинку в массы, и проверяющие, сдерживая улыбки, разошлись по постам в хорошем настроении. Меня позвал к себе начальник политотдела, потерял мою галстучную заколку и, повернувшись к замполиту, повелел:

– Сдать в банк.

– Спасибо, – ляпнул я и попросил разрешения удалиться.

Тот по-отечески кивнул и мечтательно погрузил взгляд в украшение кают-компании – картину морского сражения времен парусного флота. Замполит бдительно прочесал левым глазом картину, не отрывая от меня взора правого глаза. Уходя, я слышал басок НачПО:

– А тебе, дорогой, пора в академию. Перерос ты здесь себя, перерос... В ответных словах замполита сквозила умеренно дозированная смесь глубокой сыновьей благодарности и искренней горечи от возможного расставания. Я быстренько вышел в оптически мертвую зону относительно политруководства и успешно покинул кают-компанию.

В тот же день под конвоем штатного пропагандиста политотдела N-ской бригады я прибыл в банк. В ответ на нашу просьбу принять пять долларов девушка из банковского окошка нажала на какую-то кнопку, и из неприметной двери в стене помещения появился мужчина не первой молодости в сатиновых нарукавниках.

– Я начальник отдела банка. Чем могу служить?

Мы рассказали легенду о волне, выкинувшей на палубу бутылку, в которой вместо призыва о помощи оказалась зловещая валюта.

– Лучше бы там оказался волшебник-джинн, – доверчиво улыбнулся банкир, – с ним у вас было бы меньше проблем.

Он объяснил, что из-за такой мелочевки не собирается тревожить свои многочисленные гроссбухи и вносить путаницу в отчетность. Да и мне нет резона писать заявления и собирать справки и характеристики.

– Доллары принадлежат вам, – закончил свою речь банкир, – но владеть ими вы не имеете права.

От этой фразы несло мертвечиной, и мне стало грустно.

– Как же быть?

– Есть один элегантный выход. Я позвоню в наш магазин, и вы там что-либо себе купите на имеющуюся сумму, а чек отдадите своему бдительному начальнику.

«Умные и благородные люди!» – подумал я тогда про банкиров, после чего долго и горячо благодарил моего спасителя.

В валютном магазине, куда нас запустили с черного хода, услышав пароль «Мы от Льва Семеновича», БЫЛО ВСЕ!

Мой конвоир с ходу отверг предложение о покупке нескольких флаконов экзотического спиртного и выбрал для меня водолазку, а для себя – главное оружие политрабочего – авто-ручку.

Мне было уже все равно. Инцидент исчерпан. Я счастлив, жив и даже приоделся.

* * *

С причала я позвонил шефу, который радостно сообщил, что завтра я убываю в Николаев на строящийся там головной крейсер нового проекта, куда назначен командиром группы радиолокационного комплекса.

– Но я же ...!!!

– Отставить отговорки. Кадры решили и ша! Заходи за документами. Потом еще благодарить будешь, Валютчик.

Я чертыхнулся и пошел на почти родной гидрограф собирать вещички. Без разбору затолкал все подряд в большую хозяйственную сумку, а сверху уложил горкой словари, которые надо было успеть до отъезда сдать в библиотеку. После второй попытки застегнуть сумку несколько книг вывалилось на палубу. Посыпались туда же и листки, среди которых оказался суточный план с авианосца. Я автоматически развернул его и почувствовал, как у меня отнимаются ноги. Между листками уютно устроилась почти новенькая купюра номиналом в пять долларов. Мне настолько явно почудился запах серы, что, глядя в лицо заокеанского государственного мужа на банкноте, я впервые в жизни истово перекрестился. Он подмигнул...

* * *

В прошлом году я случайно столкнулся в метро со своим изрядно постаревшим, но все еще узнаваемым шефом из тех времен. Пока мы хлопали друг друга по плечам, я четко вспомнил, в какой именно из книжек на дальней полке запрятана та злополучная пятерка баксов. Мы ее без особых проблем нашли, легко разменяли и вполне успешно пропили по случаю радостной встречи. Если бы не шеф, нам бы вполне хватило этой суммы, но ему позарез захотелось на закуску заливных языков...

Членский билет

Вырос я в семье православных атеистов и прошел обычный маршрут советского инкубатора, который включал ясли, детсад, школу с октябрятской звездочкой, пионерией и комсомолом, военное училище и, наконец, партию. С раннего детства я усвоил, что система управления обществом и принятия решений построена разумно и служит всем и каждому. Постепенно накапливались сомнения, и ко времени окончания КПСС изрядная доля цинизма заместила иллюзии. Теперь уже мне казалось, что почти все руководящие действия диктовались личными пристрастиями, глупостью, жадностью, завистью, гордыней или, в лучшем случае, ленью. Обстановка обострялась разрушением контрольно-карающих монстров в виде парткомов, КГБ, женсоветов, комсомола и других системообразующих агрегатов. Крах жизнеустройства был очевиден и неизбежен, однако он затягивался. Я квалифицировал это как чудо и, на всякий случай, принял крещение для приближения к силам, создающим и поддерживающим мировую гармонию. Но это все – совсем недавние годы, а тогда, в семидесятых прошлого века, был я умилительно наивен и гордился записью в аттестации: “Политику Партии и Правительства понимает правильно. Делу КПСС предан“. Так оно, наверное, и было на самом деле.

Имел я звание лейтенанта ВМФ, пару морских походов за плечами и полтора года партийного стажа, а также партбилет нового образца. Надо сказать, что проходившая тогда шумная кампания по обмену партдокументов была в самом разгаре. Однако носителей новых корочек на флоте можно было пересчитать по пальцам. Мне они достались по случайному совпадению сроков и обстоятельств, но я был горд своим билетом и не упустил возможности похвастаться им.

* * *

Вторую неделю я пребывал на Николаевском судостроительном заводе, где уже водомещала у причала коробка головного крейсера последнего проекта, на который я получил назначение. Мои новые сослуживцы базировались в береговой части с замечательным названием – Экипаж. В процессе достройки и оборудования корабля шло его изучение и освоение командой. Возглавлял это дело старпом – человек, по общему мнению, грубый и бесчувственный, как, впрочем, и все известные мне старпомы. Оставалось, однако, тайной, откуда брались поголовно демократичные, душевные и заботливые командиры кораблей, если все они неизбежно проходили через должности старпомов? Командир нашего корабля (бывший старпом с БПК) был уже назначен, но, по слухам, находился в госпитале. Злые языки утверждали, что он перенес трепанацию черепа, возможно, как раз для блокирования старпомовских рефлексов.

То ли отсутствие командира повлияло, то ли общая неразбериха сыграла свою роковую роль, но формирование команды корабля было пущено на самотек. В бригаду ушла разнорядка на откомандирование к нам определенного количества матросов разных специальностей, но непосредственно на корабли за ними никто из наших не ездил и отбором не занимался. А посему большинство поступивших к нам матросов были «годками» последнего периода службы в полной готовности к ДМБ. По горькому заключению старпома, морально-нравственные качества пополнения были таковы, что треть из них следовало удавить еще в колыбели, а остальных – заключить в исправительные лагеря строгого режима на срок от десяти лет и более. Мы, несомненно, получали «сливки», что было совершенно естественно: какой нормальный командир по своей воле отдаст на сторону приличного, с потом и кровью воспитанного бойца, оставляя у себя неукomплектованным комплекс или боевой пост?

Четверо моих новых «однополчан» уже неделю находилось в бегах, а на двоих или троих было возбуждено уголовное дело по причине их агрессивных домогательств к заводским работницам малярного профиля. Определение «охрнительный бардак», которым старпом завершил свою речь на сборе офицеров и мичманов, только частично отражало остроту ситуации. Была дана возможность высказаться и остальным желающим, но ничего, кроме расхожей флотской сентенции о том, что «куда матроса ни целуй – везде задница», они не сообщили. В результате старпомом была сформирована группа офицеров для десантирования в главную базу флота. Замполит должен был обеспечить циркуляр от политотдела с предъявлением повышенных требований к кандидатам в нашу команду, вплоть до выдачи им комсомольских путевок. Остальные «десантники» получили спирт и дефицитную краску для подкупа офицеров на кораблях-донорах.

Я тоже напросился в эту группу, куда меня взяли за обещание организовать поддержку нашей миссии со стороны флотского отдела кадров, где у меня был знакомый столначальник. Мне хотелось самому набрать матросов в свою группу РТС, а главное – повидать жену и дочку.

* * *

В Севастополь я добрался на автобусе вместе со старлеем из БЧ-5, который очень красочно описывал свои посещения машинного отделения. Рассказывал он, в частности, о том, что перед спуском в низа всегда запасался двухметровой стальной цепью: уже несколько раз ему пытались сделать темную, вырубая освещение и накидывая на голову брезент. Он отбивался, ловко отмахиваясь цепью. По характерным отметкам на физиономиях он определил злоумышленников и за небольшую плату в «жидкой валюте» заключил с местной гауптвахтой договор об их перевоспитании. Не дожидаясь препровождения в комендатуру, субъекты эти, однако, удрали в самоволку.

Я поинтересовался перспективами подобных взаимоотношений в дальнейшем, на что бывалый механик спокойно ответил:

– Притремся, не впервой!

Я почувствовал к нему огромное уважение.

* * *

К своему знакомому кадровику (шефу – как он себя называл) я прибыл с двумя здоровенными банками салатовой корабельной краски и сурика. Считалось хорошим тоном, покрыть такой краской стены кухни, а свинцовый сурик был незаменим для предохранения индивидуальной автотехники от коррозии. Шеф щедро поделился краской с сослуживцами, и после нескольких телефонных звонков вопрос комплектования моей группы отличниками боевой и политической подготовки был решен положительно. Более того, пошла указивка об ограничении отправки «уголовников» на нашу новостройку, впредь до особого распоряжения. Теперь у меня было время сгонять на какой-нибудь корабль с последней модификацией радиолокационного комплекса, который должны были поставить и у нас. Хотелось хоть немного с ним ознакомиться, о чем я и уведомил шефа.

– Послушай, – произнес он, наморщив лоб и изображая задумчивость.

– Вот возьмешь ты отличных матросов, отвезешь их в Николаев, а до выхода корабля на испытания больше полугодика, а то и целый год. Деградируют у тебя матросы. И сам ты сдуреешь на этой стройке.

Зная изобретательность шефа, я настороженно попытался поймать его взгляд.

– Сделаю я для тебя еще одно доброе дело, – продолжал он, пряча глаза. – Отправим на твой корабль молодого мичмана с матросиком для охраны боевого поста от разграбления, а

тебя с новобранцами – на эсминце «N-вый». Он через неделю идет на боевую службу. Там как раз некомплект личного состава РТС. Вашей группой мы его и компенсируем. И станция там – совсем как твоя. Вернешься через пару месяцев с крепкими знаниями и спянной группой, а?! Ну, я пошел готовить директиву. Не спеши благодарить, но банкет – за тобой.

– Да вы, что?! – возмутился я, – всего-то двадцать дней, как я с моря вернулся – и снова?! У меня семья. И вообще...

– Предупреждали меня, что ты неблагодарный, а я не верил. Подумай! В заводе – дурдом. Семью в Николаев везти нельзя: дома все равно бывать не будешь. Жена обидится, разругаетесь. А я даю тебе возможность изображать гордого скитальца морей и океанов. Романтика! Деньжат заработаешь, боны получишь. Планируется заход в Алжир. Отращивай усы, учи французский. Я сам бы рад, да кто меня пустит? Ну? Вижу, что согласен. Ступай домой, обрадуй жену. Завтра – ко мне, обговорим детали, получишь предписание. А на крейсер я сам сообщу, что ты в интересах подготовки подразделения командируешься по адресу: Севастополь-50 ЮЯ. Гы, гы!

* * *

В те годы в Средиземном море и Восточной Атлантике находилось не менее полусотни кораблей ВМФ СССР – от тральщиков до вертолетоносцев. Корабли выходили на боевую службу (БС) на срок от двух до шести месяцев и более. Некоторым здорово везло: они получали заход в иностранный порт в Алжире, Египте или Сирии на три-четыре дня для заправки, отдыха и демонстрации флага. Команде доставалась инвалюта или ее эквиваленты в виде бонов и чеков. Другим везло куда меньше – они возвращались с БС, ни разу за много месяцев не ощутив земли под ногами, отдыхая в точках якорных стоянок, заправляясь топливом и харчами от наших танкеров, а то и от случайных траулеров, охотно подкидывавших рыбки отщипавшим военным землякам. Наши вероятные по тем временам противники – американские авианосцы и фрегаты – через каждые две недели в обязательном порядке посещали какую-либо крупную базу, например Неаполь или Афины, и расслаблялись по полной программе не менее недели, частенько, с прибытием семей моряков на самолете из Штатов. Зато мы были круче, беднее, злее и боеспособнее. Служба наша была утомительна и тяжела, но создавала неповторимый психологический фон – чувство избранности, причастности к чему-то настоящему и значительному и особый вкус взаимопонимания и братства.

После нескольких дальних и продолжительных походов и я испытал это на себе. Уже через полмесяца нахождения на берегу начинало непроизвольно тянуть к причалам, появлялась хандра и неуверенность. Наверное, хорошо, что жизненные обстоятельства через несколько лет после описываемых событий вытолкнули меня далеко от береговой черты в сторону суши. Сухопутные друзья, замечая иногда за мной излишнюю задумчивость, шутили, что мне необходимо выдавать солидную спецдобавку к окладу за удаленность от моря, вроде доплат «за вредность» или особые условия службы. С этим я был согласен.

Прошли те времена. По полгода и более не появляется наш военно-морской флаг в Средиземноморье, штурмана ведут прокладку только на картах. Вернемся ли?..

* * *

Этот поход на эскадренном миноносце ЧФ «N-вый» был в моей жизни этапным событием, серьезно меня закалил, переколбасил и утрамбовал как личность. Сказал бы иначе, да не могу. За эту БС один старлей попытался с ума свихнуться, и ему это удалось, а один матрос – повеситься, но неудачно, его на этот раз спасли. Другим тоже есть что вспомнить. Стоит ли? Я, пожалуй, когда-нибудь расскажу подробно об этом походе, но пока морально не готов

к процедуре последовательного извлечения из памяти событий и сопровождавших их эмоций. Не прошло еще и тридцати лет. Скажу сейчас только, что мы вернулись не через два, а через восемь месяцев, пришвартовались у Минки и находились в состоянии типа: «Неужели здесь ничего не изменилось? Неужели это мы здесь?»

* * *

Как я узнал, мой крейсер уже прибыл в главную базу ЧФ в ходе заводских, медленно переходящих в государственные, испытаний и торчал на внешнем рейде. Не составило большого труда найти буксир, который по два раза в день курсировал к крейсеру, подвозя аппаратуру, рабочих, моряков и членов комиссий. Не теряя зря времени, я отправился туда в надежде на хорошие вести. Дело в том, что прошло уже больше месяца, как истек срок присвоения мне очередного звания – старлей. Еще с БС я инициировал пару похвальных радиogramм с намеками на то, что надо бы все бумаги отправить своевременно куда положено. Я полагал, что все уже решено, и даже проковырял в погонах пару отверстий под очередные звездочки. Поймав на палубе крейсера начальника РТС, я несколько минут объяснял ему, кто я, откуда взялся и что мне требуется. Ответ меня разочаровал. Обо мне давно забыли, и никому не было до меня и моего звания дела.

НРТС пожаловался мне на многочисленные «фитили», полученные им лично и всеми офицерами, и категорически отказался принимать в свое подчинение блудного сына без указания старпома. Командир по-прежнему хронически отсутствовал.

По громкой матерщине я без труда отыскал старпома и внаглую накатил на него, спекулируя своими, якобы необычайными, заслугами перед Родиной на дальних рубежах смертельного противостояния с империализмом. Старпом устало огрызнулся, пообещал мне «губу», но, вникнув в проблему, приказал срочно и собственноручно нарисовать на себя представление, подмахнуть у мелких начальников, у него самого, у замполита и живо тащить на горку, в штаб.

В старпومه, похоже, проснулось что-то человеческое. Возможно, он готовился стать командиром. Печатавая одним пальцем на машинке, я передрал стандартный текст представления на звание, добавив несколько намеков на свои загадочные заслуги на БС. Все подписали не читая, кроме замполита. Тот долго меня расспрашивал о семье, походе, моем отношении к какому-то БАМу. Замполита живо интересовало, не подавал ли я милостыню нищим в иностранных портах и за сколько можно толкнуть там наш фотоаппарат «Зенит-Е». Я держался как партизан в фильмах о войне. Потом инквизитор потребовал показать партбилет. Дескать, все ли в порядке со взносами? Я ответил, что документ в корабельном сейфе на эсминце, а сейф будет вскрыт только завтра.

– Вот завтра и приходи, – дружески похлопал меня по погону замполит. – Да, кстати, подготовь-ка на себя еще одно представление. На медаль «За боевые заслуги».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.